

Чжун Сибай прямо в воде поднялся во весь рост, вышел из купальни и босиком направился к ширме, где подобрал свою одежду и начал одеваться.

Ся Чандэ, глядя на кожу Чжун Сибая, гладкую и безупречную, словно редчайший нефрит, невольно прищурился. В глубине его глаз затаилась буря, а в горле пересохло. Когда Чжун Сибай накинул нижнюю рубаху, Ся Чандэ, не в силах оторвать взгляд, перевел его на обнаженные ступни юноши, и в сердце вспыхнуло странное желание — взять их в свои ладони.

— Брат-император?

Ся Чандэ отвел взгляд и невозмутимо посмотрел на Чжун Сибая:

— Сейчас ты выглядишь как раз как надо. Думаю, худеть больше не стоит, и в будущем можешь не утруждать лишний раз наследника генерала Ганя.

Чжун Сибай, завязывая пояс, ответил:

— М-м, я тоже так думаю. Я уже говорил Цзиньюаню, что не буду больше его беспокоить, но он сказал, что ванъе обязан владеть боевыми искусствами, чтобы уметь постоять за себя. А раз с кулачным боем у меня совсем туго, он предложил попробовать стрельбу из лука. Сейчас я тренируюсь с ним, так что, пожалуй, придется еще немного его пообременять.

Услышав, как Чжун Сибай называет Гань Цзиньюаня, Ся Чандэ помрачнел, но голос его остался спокойным:

— Ты слишком его отвлекаешь. У него талант полководца, в будущем ему предстоит сражаться на поле боя во славу страны. Все его нынешние тренировки — подготовка к грядущим битвам. Отнимая его время, ты, по сути, уменьшаешь его шансы выжить, когда он отправится в поход.

Чжун Сибай, ошеломленный столь высокопарными словами, растерянно переспросил:

— Неужели всё так серьезно?

Ся Чандэ с самым серьезным видом кивнул:

— Конечно. А зачем, по-твоему, военачальники так изнуряют себя тренировками? Только ради того, чтобы выжить на войне.

Чжун Сибай замер, его взгляд заметался, и было видно, что он начал колебаться.

Заметив это, Ся Чандэ решил подлить масла в огонь:

— К тому же, если хочешь научиться стрелять, вовсе не обязательно просить Гань Цзиньюаня. Я могу приказать начальнику караула обучить тебя, он ничем не хуже.

— Дело не в том, хуже он или лучше, — Чжун Сибай слегка покачал головой и с сожалением добавил: — Благодарю, брат-император. Завтра я поговорю с Цзиньюанем. Он слишком добр и не умеет отказывать. Я не разбираюсь в военном деле и не думал об этом, а ведь и правда — я отнимаю у него драгоценное время. Завтра обязательно его отблагодарю.

Хотя цель была достигнута, Ся Чандэ почувствовал тяжесть в груди. Почему у него возникло ощущение, что он невольно лишь помог Гань Цзиньюаню стать еще ближе сердцу Чжун Сибая?

Ся Чандэ молча приложил ладонь ко лбу и тяжело вздохнул, но неприятный осадок на душе не исчез.

— Брат-император, что с вами? Вам нездоровится? — Чжун Сибай подошел ближе и с тревогой посмотрел на него.

Ся Чандэ опустил руку и молча смотрел на него. Чжун Сибай нахмурился еще сильнее, его беспокойство возросло. Он поднял руку и коснулся лба Ся Чандэ, при этом из рукава показалось тонкое, белоснежное запястье.

— Вроде бы жара нет, — задумчиво произнес он.

Взгляд Ся Чандэ был прикован к обнаженной коже юноши. Услышав его слова, он слегка собрался, перехватил Чжун Сибая за запястье и сказал:

— Голова немного кружится. Наверное, утомился от государственных дел в последнее время. Ничего, отдохну немного — и пройдет.

Чжун Сибай кивнул:

— Тогда скорее возвращайтесь во дворец и отдохните.

Ся Чандэ покачал головой и твердо произнес:

— Во дворце меня ждут доклады, требующие подписи.

Чжун Сибай нахмурился, не говоря ни слова, подхватил Ся Чандэ под руку, повел в свою спальню и уложил на кровать, не терпящим возражений тоном добавив:

— Отдохнете здесь час, прежде чем возвращаться.

Ся Чандэ, глядя на непривычно решительного Чжун Сибая, довольно улыбнулся. Он потянул юношу к себе на кровать, обнял, вдыхая аромат недавнего купания, и, уткнувшись в него, пробормотал с явной усталостью:

— Хорошо. Разбуди меня через час.

Чжун Сибай, который было собрался выбраться из объятий, услышав голос Ся Чандэ, замер и тихо ответил:

— Хорошо, я понял. Спите.

Когда Ся Чандэ уснул, Чжун Сибай попытался осторожно выбраться, но стоило ему пошевелиться, как Ся Чандэ приоткрывал глаза, сонный, целовал его в лоб и снова проваливался в сон. Ся Чандэ спал так чутко, что Чжун Сибая пришлось смириться. Он остался лежать, не шевелясь, и вскоре сам уснул.

Когда он почувствовал, что кто-то встает, он попытался разлепить тяжелые веки, но чья-то рука нежно коснулась его лба, велел продолжать спать. Он сдался и позволил сознанию вновь погрузиться в глубокий сон.

Когда Чжун Сибай проснулся, уже настало утро следующего дня.

Посидев немного на кровати, он вдруг вспомнил, что вчера приходил Император! Он немедленно позвал Фу Цюаня и спросил, когда тот ушел. Фу Цюань ответил, что прошел час. Ся Чандэ действительно проспал у него всего час.

Узнав всё, Чжун Сибай отпустил слугу, снова лег и закрыл глаза, погрузившись в раздумья.

В тот день, встретившись с Гань Цзиньюанем, Чжун Сибай, разумеется, сказал, что больше не хочет продолжать занятия. Услышав это, Гань Цзиньюань испытал легкую грусть, но виду не подал. Он не стал спрашивать о причинах — каким бы ни было решение Чжун Сибая, ему оставалось лишь подчиниться.

Они сидели на плацу, в тишине, которая казалась пропитанной их общими воспоминаниями. Гань Цзиньюань чувствовал, как внутри нарастает смятение.

— Когда отправишься на войну, обязательно выживи, — вдруг сказал Чжун Сибай.

Сердце Гань Цзиньюаня дрогнуло. Оказывается, он знал о его мечте.

Чжун Сибай смотрел в небо, не глядя на собеседника, и продолжал:

— Помни, здесь всегда есть тот, кто ждет твоего возвращения.

Гань Цзиньюань смотрел на его профиль, и странное чувство — сладкое, щемящее, горькое — охватило его. На губах невольно заиграла легкая улыбка, которую он даже не осознал. В этот миг воцарился удивительный покой.

После этого Чжун Сибай и Гань Цзиньюань стали видеться реже. Хотя их общение вернулось к прежнему руслу, что-то между ними неумовимо изменилось. Гань Цзиньюань не знал, о чем думает Чжун Сибай, но сам чувствовал, что каждая новая встреча не несла в себе отчужденности — наоборот, накопившаяся за время разлуки тоска заставляла его еще больше ценить эти мгновения.

Иногда ему казалось, что его мысли странны, но он отгонял их, не желая глубоко задумываться. Он просто следовал за своим сердцем. Например, накануне Праздника фонарей он пригласил Чжун Сибая полюбоваться огнями, не видя в этом ничего необычного.

В вечер праздника они гуляли по улице, и их благородная внешность привлекала взгляды многих девушек. Гань Цзиньюань смотрел на яркие фонари, но думал лишь о том, что вся эта красота не стоит и сотой доли очарования Чжун Сибая.

— Как думаешь, мы встретим вторую дочь господина Чжана? — спросил Чжун Сибай.

Гань Цзиньюань замер и равнодушно ответил:

— Не знаю.

Чжун Сибай смотрел вперед с явным предвкушением:

— Если встретим, значит, судьба нам суждена.

Гань Цзиньюань промолчал, чувствуя неприятный укол ревности. Внезапно Чжун Сибай потянул его за собой:

— Цзиньюань, пойдем, отгадаем загадки на фонарях!

Гань Цзиньюань посмотрел на руку Чжун Сибая, сжимающую его ладонь, и его раздражение мгновенно улетучилось. В конце концов, ему не о чем беспокоиться — даже если Чжун Сибай и симпатизирует той девушке, они виделись лишь однажды.

Успокоившись, он отбросил лишние мысли и с удовольствием наблюдал за тем, как Чжун Сибай с блеском отгадывает загадки. Его сияющее лицо было прекраснее любых огней.

В этот момент мимо проходила девушка, засмотревшаяся на фонари, и случайно столкнулась с Гань Цзиньюанем.

— Простите, — поспешно сказала она.

Гань Цзиньюань уже хотел ответить, но, увидев ее лицо, осекся. Он лишь коротко кивнул и, не оглядываясь, отошел за спину Чжун Сибай, закрывая ему обзор. Вспомнив слова о судьбе, он почувствовал, как внутри всё перевернулось. К счастью, Чжун Сибай был полностью поглощен загадками.

Это была не кто иная, как старшая дочь господина Чжана, вторая девица Чжан.

— Очарование, — ответил Чжун Сибай, немного подумав и лучезарно улыбнувшись. — Это иероглиф Мэй.

Гань Цзиньюань смотрел на него, и его взгляд потемнел. Этот иероглиф подходил ему как нельзя лучше. Очаровательный, притягательный!

Отгадав десять загадок, Чжун Сибай потерял интерес:

— Идем отсюда.

— Хорошо. Говорят, на реке уже пускают фонарики, пойдем посмотрим, — Гань Цзиньюань указал направление, прямо противоположное тому, куда ушла девица Чжан.

Чжун Сибай кивнул, но вдруг замер, увидев что-то на земле. Он наклонился и поднял грязный, затоптанный ароматный мешочек.

— Похоже, женская вещица, — вздохнул он, разглядывая искусную вышивку, испачканную пылью. — Какая жалость.

Гань Цзиньюань взглянул на мешочек и заметил в углу иероглиф Лань. Его глаза потемнели, но голос остался ровным:

— Он испорчен, хозяйке он вряд ли нужен. Выбрось его, к чему лишние толки.

Гань Цзиньюань помнил, что имя девицы Чжан — Чжан Чжилань. Учитывая, что она только что столкнулась с ним, это наверняка ее вещь. Он ни в коем случае не мог позволить Чжун Сибайю оставить ее у себя.

Чжун Сибай заколебался:

— А вдруг он дорог той девушке? И куда его выбросить?

— Это вещь знатной дамы, она вряд ли станет носить грязный мешочек. Давай бросим его в реку, — предложил Гань Цзиньюань.

— Хорошо ли это? — сомневался Чжун Сибай.

— Ничего страшного. Мы не знаем, чья это вещь, хранить ее при себе — только навлекать лишние неприятности.

— Пожалуй, — согласился Чжун Сибай. — Тогда я отдам его владельцу торговой лавки, если девушка вернется, она сможет его найти.

Гань Цзиньюань кивнул. Лишь бы мешочек не остался у Чжун Сибая! Он сам забрал его, отдал торговцу и поспешно увел Чжун Сибая прочь. Этот мешочек казался ему ядовитым.

Они направились к реке Бэйнин. Для Гань Цзиньюаня было неважно, куда идти, лишь бы подальше от той девицы. Пока она не попадалась им на глаза, мир казался прекрасным.

На реке Бэйнин плыли тысячи фонариков, отражаясь в воде, словно звезды на небе — зрелище было поистине чудесным. Люди молились: мужчины — об успехах на экзаменах, женщины — о счастье в любви.

— Хочешь пустить свой? — спросил Гань Цзиньюань.

Чжун Сибай покачал головой:

— У меня нет желаний.

Гань Цзиньюань удивился и сам заговорил о той, о ком не хотел даже думать:

— А та вторая девица Чжан?

— Это как судьба распорядится, — смущенно ответил Чжун Сибай.

Гань Цзиньюань не знал, радоваться или огорчаться, он лишь надеялся, что никакой судьбы между ними нет. Его раздражало, когда он представлял Чжун Сибая с кем-то другим, и он не мог понять, почему.

— Ой, кажется, я вижу вторую девицу Чжан! — радостно воскликнул Чжун Сибай, указывая на изящную фигуру вдали. — Смотри, это не она?

Сердце Гань Цзиньюаня подпрыгнуло. Он посмотрел туда, куда указывал юноша. На самом деле он уже узнал наряд девицы Чжан, но как он мог признаться в этом?

— Где? Я ничего не вижу, тебе показалось, — невозмутимо ответил он.

— Разве? — Чжун Сибай засомневался, ведь расстояние было большим.

— Уверен, ты ошибся, — твердо сказал Гань Цзиньюань.

— Понятно, — разочарованно протянул Чжун Сибай. — Видимо, нам не суждено встретиться.

— ... — Гань Цзиньюань помолчал, а затем предложил: — Пойдем в другое место.

Чжун Сибай кивнул, и Гань Цзиньюань увел его прочь от девицы, к которой тот так стремился.

На временной сцене, построенной к празднику, показывали представление с двумя драконами.

— Браво! — раздавались крики толпы.

Чжун Сибай и Гань Цзиньюань стояли в толпе, с интересом наблюдая. Гань Цзиньюань смотрел на восторженного Чжун Сибая, и его взгляд смягчился. Обычно его трудно было чем-то пронять, но Чжун Сибай был исключением, и это чувство ему нравилось.

— Хэ Сян, давай смотреть здесь.

Гань Цзиньюань вздрогнул, повернул голову и увидел девушку, вставшую рядом. Его настроение снова испортилось. Он встал между Чжун Сибая и девицей Чжан, надеясь своим телом прервать их связь.

В этот момент Чжун Сибай повернулся к нему:

— Говорят, скоро будет ритуал зажжения огней драконами.

— М-м, — рассеянно ответил Гань Цзиньюань.

— Драконы зажигают огни, во имя мира и процветания страны, — Чжун Сибай с горящими глазами смотрел на сцену. — Брат-император обязательно станет великим правителем.

Гань Цзиньюань понял, что Чжун Сибай не уйдет, пока всё не закончится. Он лишь опасался, как бы при смене места не привлечь внимание Чжун Сибая к девице Чжан. За эти два раза он

успел разглядеть ее — она стала еще красивее, настоящая красавица, способная покорить любое сердце. И это пугало его еще больше.

Если судьба существует, то она явно издевается над ним — зачем было встречаться трижды за один вечер?

— Госпожа, смотрите, драконы зажигают огни! — воскликнула служанка рядом с Чжан Чжилань.

— Драконы зажигают огни, во имя мира и процветания страны.

Услышав те же слова, что только что произнес Чжун Сибай, Гань Цзиньюань покрылся холодным потом. Он испуганно посмотрел на Чжун Сибая, но тот, к счастью, ничего не услышал.

Гань Цзиньюань подумал: неужели нельзя просто молчать и смотреть? Его опасения по поводу девицы Чжан достигли предела.

<http://bllate.org/book/21650/2234288>